

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА

ЮЖНЫЙ ФЛАНГ СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ:  
БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ПРИАЗОВЬЕ И НА МИУС-ФРОНТЕ В 1941 г.

МАТИШОВ Г.Г., КРИНКО Е.Ф.

SOUTHERN FLANK OF SOVIET-  
GERMAN CONFRONTATION:  
PRIAZOVYE AND MIUS-FRONT  
MILITARY OPERATIONS IN 1941

MAISHOV G.G., KRINKO E.F.

Статья посвящена боевым действиям на южном фланге советско-германского фронта осенью-зимой 1941 г. Рассматриваются ростовские оборонительная и наступательная операции, создание оборонительного рубежа вермахта по рекам Миус и Самбек и его значение, первые попытки советских войск прорвать его в декабре 1941 г. и их итоги.

The article is concerned with Southern flank of Soviet-German front military operations in autumn-winter of 1941, examines Rostov defensive and offensive operations, Wehrmacht defensive line along the Mius and the Sambek Rivers and its significance, first attempts, made by Soviet troops to break it in December, 1941 and their results.

Keywords: Great Patriotic War, Red Army, Wehrmacht, Mius-front, Priazovye, the south of Russia, Southern front.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Красная Армия, вермахт, Миус-фронт, Приазовье, юг России, Южный фронт.

УДК 94 (47).084.8(470.61)

Очередной (70-летний) юбилей начала Великой Отечественной войны усиливает потребность в глубоком научном переосмыслении ее истории. Несмотря на значительное количество уже опубликованных книг, статей, документов, в ней по-прежнему сохраняется немало «белых пятен» [1], особенно это касается начального, самого трагического периода Великой Отечественной войны.

К сравнительно малоизученным проблемам относятся и боевые действия в 1941 г. на южном крыле советско-германского фронта. Появившиеся еще в годы войны первые работы имели в основном прикладные задачи – обобщить опыт ведения боевых действий [2]. Впоследствии к боям в Приазовье не раз обращались советские [3], российские [4] и зарубежные [5] исследователи, а также сами участники событий в своих воспоминаниях [6]. Кратко они освещаются в обобщающих трудах по истории Второй мировой войны [7]. Некоторые сведения приводятся в работах, посвященных истории отдельных населенных пунктов региона [8], тем не менее в целом история боев на юге России остается недостаточно разработанной, во многом вследствие неудачных итогов ряда боевых операций, сопровождавшихся большими потерями советских войск.

В первые дни Великой Отечественной войны события на южном направлении развивались более успешно, чем в центре и на севере советско-германского фронта.

Превосходившие в численности противника войска Юго-Западного и Южного фронтов успешно сдерживали наступление группы армий «Юг» под командованием генерал-фельдмаршала Г. фон Рунштедта и даже сумели нанести ряд контрударов. Однако вскоре вермахт и на юге полностью овладел стратегической инициативой. В августе 1941 г. были окружены две советские армии в районе Умани, в плен попало более 100 тыс. бойцов и командиров РККА. В августе-сентябре под Киевом вермахт окружил основные силы Юго-Западного фронта, общие потери которого по официальным данным составили 700,5 тыс. чел., в том числе безвозвратные – 627,8 тыс. чел. [9].

Это открыло вермахту путь в Донбасс – «советский Рур» – и Крым, что лишало СССР важнейшей индустриальной базы и контроля над Черным морем. А захват «ворот Кавказа» – Ростова-на-Дону – позволял противнику надеяться на полную реализацию на южном направлении в 1941 г. целей, намеченных в плане «Барбаросса» – выхода на линию «А-А» (Астрахань – Архангельск). Чтобы обеспечить одновременное выполнение всех поставленных задач в сентябре 1941 г. войска группы армий «Юг» разделились. 11-я армия под командованием генерала танковых войск Э. фон Манштейна направилась в Крым, а 1-я танковая группа (с 6 октября – 1-я танковая армия) генерал-полковника

Э. фон Клейста продолжала продвижение в Приазовье.

Противостоявшие врагу войска Южного фронта под командованием генерал-лейтенанта Д.И. Рябышева (с 5 октября – генерал-полковника Я.Т. Черевиченко) обороняли полосу в 270 км от Павлограда до Азовского моря. Севернее располагались войска Юго-Западного фронта во главе с маршалом Советского Союза С.К. Тимошенко, одновременно являвшимся главнокомандующим войсками Юго-Западного направления. Для усиления обороны Крыма Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение перебросить туда Приморскую армию и эвакуировать Одесский оборонительный район.

Однако в конце сентября танковые и моторизованные войска Клейста прорвали советскую оборону (см. рис. 1). Главные силы 9-й и 18-й армий РККА (до 130 тыс. чел.) попали в окружение севернее Осипенко (Бердянска). При попытке прорыва погибли командующий 18-й армией генерал-лейтенант А.К. Смирнов, немало других командиров и красноармейцев. Непосредственный участник событий Манштейн вспоминал: «Мы захватили круглым счетом 65000 пленных, 125 танков и свыше 500 орудий» [10]. Прорывавшиеся из окружения войска 18-й армии стали отходить к Сталино (Донецку), а 9-й армии – к Таганрогу.



Рис. 1. Прорыв 1-й танковой армии Э. фон Клейста в Приазовье

Овладев Мариуполем, 3-й моторизованный корпус генерала Э. фон Макензена в составе 13-й и 14-й танковых дивизий и моторизованной дивизии СС «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер» устремился к Таганрогу. Подготовленных соединений РККА в этом районе не было, и навстречу противнику выдвинулись части ростовского гарнизона – сводные курсантские полки пехотного, военно-политического и артиллерийского училищ и сводный отряд 33-го мотострелкового полка НКВД. Для прикрытия бреши в обороне Южного фронта в полосе между поселком Матвеев Курган и Миусским лиманом был создан Таганрогский боевой участок в составе 150-й, переброшенной из Армении 31-й и сформированной в Ростовской области 339-й стрелковых дивизий.

12 октября в Ростов-на-Дону прибыл представитель Ставки ВГК, заместитель наркома обороны СССР Маршал Советского Союза Г.И. Кулик. На срочно созванном совещании он потребовал от командующего Северо-Кавказским военным округом генерал-лейтенанта Ф.Н. Ремезова немедленных и решительных мер по разгрому войск Клейста. Был отдан приказ о наступлении трех стрелковых дивизий Таганрогского боевого участка с привлечением кавалерийской группы полковника Л.Д. Ильина (35-я и 56-я кавалерийские дивизии), усиленной сводным полком Новочеркасских кавалерийских курсов усовершенствования командного состава.

Распоряжения маршала Кулика внесли путаницу в управление войсками на таганрогском направлении. Боевым распоряжением № 00191/оп Военный совет Южного фронта назначил начальником Таганрогского боевого участка командира 150-й стрелковой дивизии генерал-майора И.И. Хоруна [11]. Там же руководил войсками СКВО (сводные курсантские полки, 26-й мотоциклетный полк, 33-й мотострелковый полк НКВД, рота 10-го минометного батальона) командующий артиллерией СКВО генерал-майор артиллерии Г.С. Кариофилли. Для координации действий войск 9-й армии и Таганрогского боевого участка в Таганрог прибыл заместитель командующего Южным фронтом генерал-майор И.В. Галанин. 13 октября волевым решением маршала Кулика сюда был назначен еще один начальник – генерал-лейтенант Ремезов. Сам маршал также выехал на фронт лично руководить

«разгромом мариупольско-таганрогской мотомеханизированной группировки противника». Чьи приказы следовало выполнять командирам соединений и частей при таком количестве начальников, не оговаривалось.

В течение 14–16 октября, сбивая дозорные и разведывательные подразделения вермахта, советские войска продвинулись на 12–15 км западнее Миуса. Затем противник подтянул резервы. Понеся большие потери под ударами вражеских танков и мотопехоты, поддержанных налетами авиации, части РККА отступили за Миус. Решение Кулика и Черевиченко о наступлении слабо вооруженных и необстрелянных стрелковых и кавалерийских соединений на танковые и моторизованные соединения Клейста было ошибочным, заведомо обреченным на провал. Вместо подготовки глубокой обороны и использования Миуса как естественного оборонительного рубежа, наспех собранные, не имевшие ни собственных бронетанковых частей, ни соответствующей артиллерийской поддержки войска Таганрогского боевого участка атаковали противника по открытой местности.

Утром 17 октября после короткой, но мощной артиллерийско-минометной подготовки 13-я танковая дивизия прорвала фронт на стыке 31-й и 339-й стрелковых дивизий в районе села Троицкого. Разведывательный батальон 1-й моторизованной дивизии СС «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер» сумел переправиться через Миусский лиман и с другой стороны войти в центр Таганрога. Днем немецкие танки появились в таганрогском порту и стали расстреливать стоявшие на рейде корабли [12]. Погибли сотни эвакуированных людей, в том числе секретарь Ростовского обкома ВКП(б) М.П. Богданов, секретари Таганрогского горкома партии Л.И. Решетняк и Н.Я. Сердюченко, горвоенком – батальонный комиссар И.И. Николаенко.

Овладев Таганрогом, 3-й моторизованный корпус развернул наступление на Ростов. Для обороны города еще 16 октября по приказу Ставки ВГК на базе штаба СКВО было сформировано полевое управление 56-й Отдельной армии. В состав армии вошли 317-я, 343-я, 347-я, 353-я стрелковые, 62-я, 64-я, 68-я, 70-я кавалерийские дивизии, 6-я отдельная танковая бригада, несколько артиллерийских пол-

ков усиления. Командармом был назначен генерал-лейтенант Ф.Н. Ремезов. В ожесточенных боях в течение 20–28 октября под селом Чалтырь немецкое наступление было остановлено.

Тем не менее октябрьские бои выявили существенные недостатки в тактической подготовке рядового и командного состава ряда частей и соединений РККА. Они выражались в неумении бойцов и младших командиров закреплять за собой боевой рубеж, окапываться и маскировать огневые позиции. В частности, в приказе о боевой подготовке частей 35-й кавалерийской дивизии, подводившем итоги боев середины октября, прямо отмечалось, что «красноармейцы не умеют делать правильные перебежки, самоокапываться и держать свое место в составе отделения. При артиллерийском обстреле противника скучиваются и не стараются сделать бросок вперед, чтобы выйти из зоны арт-огня. Многие не ведут прицельного огня» [13]. Серьезной проблемой для советских войск в начальном периоде войны стала и так называемая «танкобоязнь». Командиры, особенно призванные из запаса, перешедшие с тыловой и преподавательской работы, плохо маневрировали имевшимися силами вдоль линии фронта, недостаточно эффективно применяли огневые средства, не уделяли должного внимания разведке позиций противника. Слабым местом повсеместно оставалась связь из-за неумения использовать радиосредства и их неисправности.

Напротив, противник заметно превосходил советские войска в маневренности, мобильности, тактической подготовке и системе обеспечения войск. Оценив сложившуюся обстановку, Ставка ВГК приняла решение отвести войска Юго-Западного фронта на новый оборонительный рубеж за реку Оскол. К концу октября соединения вермахта овладели юго-западной частью Донбасса и Харьковом, а в начале ноября заняли Крым и блокировали Севастополь.

Натолкнувшись на упорную оборону частей РККА на ростовском направлении, Клейст решил отказаться от фронтального наступления и нанести удар главными силами в обход донской столицы, через Шахты и Новошахтинск. В результате он надеялся окружить и уничтожить 9-ю и 56-ю армии. 29 октября 16-я танковая дивизия захватила районный центр – село Куйбышево на левом берегу Миуса, став-

шее плацдармом для нового наступления. Однако упорное сопротивление на этом участке фронта 1-й танковой армии оказала 9-я армия генерал-майора Ф.М. Харитонова. Потери 1-й танковой армии в боях с 5 по 10 ноября составили 113 танков и бронемашин, 273 автомашины, 27 орудий и 27 минометов, до четырех батальонов мотопехоты [14]. Это вынудило Клейста отказаться от захвата угольного района Шахты – Гуково – Новошахтинск.

В немалой степени осложняли ведение боевых действий погодные условия. Бесконечные дожди превратили грунтовые дороги в труднопроходимые болота. Серьезной проблемой стал подвоз к линии фронта боеприпасов и продовольствия. В приказе войскам Южного фронта № 0095 от 25 октября 1941 г. отмечалось: «Период осенних дождей, при отсутствии в армейском и войсковом тылах дорог с твердым и улучшенным покрытием, создает полное бездорожье и подчастую невозможность использования автотранспорта как средства подвоза войскам всего необходимого для боя и жизни». Для обеспечения перевозок стал использоваться гужевой транспорт, а из местных ресурсов были созданы специальные тракторные бригады [15].

С аналогичными трудностями столкнулись и части вермахта. Лишенные горючего, танки Клейста завязли в грязи. К тому же низкая облачность затрудняла действия господствовавших в воздухе самолетов люфтваффе. Только со второй половины ноября установилась морозная погода. Получив необходимое топливо, Клейст решил нанести 14-й танковой дивизией удар на Ростов с севера, где оборонялась необстрелянная 317-я Бакинская стрелковая дивизия.

Тем временем в условиях передышки советское командование спешно формировало новую 37-ю армию под командованием генерал-майора А.И. Лопатина. Она сосредоточилась в районе между селом Нагольная Тарасовка и городом Ровеньки Ворошиловградской (в настоящее время – Луганской) области. 37-й армии ставилась задача: перейти в контр наступление и ударом с севера в тыл и фланг разгромить группировку Клейста.

В то же время для организации обороны Ростова-на-Дону было предпринято недостаточно усилий. Еще 13 октября 1941 г. Государственный комитет обороны СССР принял специальное постановление о строительстве стратегических тыловых

оборонительных рубежей по единому плану Генерального штаба РККА. Для строительства Донского оборонительного рубежа общей протяженностью 450 км от села Кагальник до станицы Верхне-Курмоярской планировалось мобилизовать 300 тыс. чел. в Ростовской и Сталинградской областях, Краснодарском и Орджоникидзевском краях, Чечено-Ингушской АССР. Однако постановление Военного совета 56-й Отдельной армии о мобилизации к 28 октября военнообязанных для формирования 8-й саперной армии полностью не было выполнено, так как в связи с приближением противника началась эвакуация населения. Позже распоряжение об эвакуации населения признали преждевременным и отменили, но у части местных руководителей возникла паника. В информационной записке в ЦК ВКП(б) сообщалось, что, «поддавшись паническому настроению командования 56-й армии, бюро Ростовского обкома эвакуировалось на левый берег Дона, оставив, по существу, без власти Ростов».

Проверка состояния оборонительных сооружений Ростова показала, что они практически отсутствовали: к 21 ноября была построена лишь 21 огневая точка. И хотя 17 ноября 1941 г. городской комитет обороны объявил мобилизацию населения Ростова на оборонительное строительство, это запоздалое решение не было подкреплено другими мерами. Член Военного совета Южного фронта Л.Р. Корниец так охарактеризовал сложившуюся ситуацию: «Все разговоры по укреплению Ростова являются пустыми фразами. По существу, никакой обороны Ростова не было» [16]. Фактически серьезные работы по укреплению города стали проводиться уже после 29 ноября.

В 8 часов утра 17 ноября 1941 г. в условиях густого тумана части 3-го моторизованного корпуса начали наступление на Ростов. Через час перешли в наступление и части 37-й армии. Однако, не имея собственного автотранспорта, они продвигались слишком медленно. Между тем противник 19 ноября неожиданно для советского командования вышел на северные окраины Ростова-на-Дону. Полностью укомплектованная личным составом, но испытывавшая острую нехватку вооружения, инженерного имущества, средств связи и боеприпасов 56-я Отдельная армия оказалась не готова отразить натиск немецких танковых соединений [17].

В бой пришлось бросать только что сформированные и недостаточно вооруженные части и соединения РККА. Так, 62-я кавалерийская дивизия приступила к выполнению боевых задач (охране Азовского побережья) без автоматов, артиллерийских орудий и минометов. Только в декабре она получила пушки и 50-мм минометы без прицелов. В ноябре же все вооружение дивизии составляло 1202 винтовки, 27 станковых и 50 ручных пулеметов, 37 самозарядных винтовок, 961 пашку, 35 револьверов. Не хватало 1626 винтовок, 21 станкового и 48 ручных пулеметов и другого вооружения [18]. По этому поводу заместитель наркома обороны СССР, начальник Главного управления формирования и укомплектования войск РККА, армейский комиссар I ранга Е.А. Щаденко писал И.В. Сталину, что «такой способ использования частей и соединений, с незаконченным формированием и недовооруженных, принесет вред делу и погубит части» [19].

В 4 часа 10 минут 20 ноября начальник Генерального штаба РККА Маршал Советского Союза Б.М. Шапошников от имени Ставки ВГК приказал генерал-лейтенанту Ф.Н. Ремезову: «Город Ростов должен быть удержан при всяких обстоятельствах. Драться до последнего патрона!» [20]. Но с 8 часов утра в Ростове начались ожесточенные бои, продолжившиеся на следующий день. К 17 часам 21 ноября основные силы 56-й Отдельной армии отошли на левый берег Дона. Последними город покинули бойцы Ростовского стрелкового полка народного ополчения и чекисты 230-го полка конвойных войск НКВД. По данным командира 3-го моторизованного корпуса генерала Макензена, в боях за Ростов-на-Дону с 17 по 21 ноября 1941 г. его войска взяли в качестве трофеев 260 орудий, 83 танка, 2 бронепоезда, 111 самолетов, захватили в плен 17,8 тыс. советских военнослужащих [21].

22 ноября 1941 г. Ставка ВГК отдала директиву следующего содержания: «Противник, понеся большие потери, занял Ростов. Наступление Южного фронта развивается медленно. Ставка Верховного Главнокомандования приказывает: ударной группой Южного фронта повести решительное наступление с целью ударить по тылам группы Клейста, занявшей Ростов. Потеря Ростова не отменяет Вашу задачу удара по тылам группы Клейста, а наоборот, усиливает необходимость заня-

тия Вами Таганрога. Потребуйте от войск решительных, энергичных наступательных действий с задачей занятия Таганрога» [22]. Однако Тимошенко и Черевиченко опасались удара в спину 37-й армии находившегося в Ростове 3-го танкового корпуса. Поэтому они предложили сначала всеми силами южного крыла фронта освободить Ростов. Ставка согласилась с этим и передала для усиления 56-й армии 11-ю, 13-ю, 16-ю курсантские, 78-ю морскую отдельные стрелковые бригады, 400-ю и 398-ю стрелковые дивизии, 54-ю танковую бригаду.

Для освобождения Ростова в составе 56-й Отдельной армии были созданы две оперативные группы. В западную оперативную группу генерала П.М. Козлова были включены 31-я и 1151-й полк 343-й стрелковых дивизий, а также 62-я и перебрасываемая с правого фланга 70-я кавалерийские дивизии. В восточную оперативную группу генерала А.А. Гречкина вошли остатки 317-й и 353-й стрелковых дивизий, 6-й танковой бригады, 64-я кавалерийская дивизия и сводный батальон Ростовского военно-политического училища. Между двумя этими группами по левому берегу Дона напротив Ростова заняли оборону 347-я и 343-я стрелковые дивизии, 230-й НКВД и Ростовский народное ополчения стрелковые полки.

27 началось советское наступление на Ростов. Противник контратаками отбрасывал атакующие части РККА на левый берег Дона. С севера, с рубежа реки Тузлов, к Ростову приближались ударные группировки 37-й и 9-й армий Южного фронта. 13-я и 14-я танковые, 60-я моторизованная дивизии вермахта оказывали отчаянное сопротивление, но перед ними возникла угроза окружения. В ночь на 29 ноября Рундштедт приказал Клейсту отвести войска на рубеж реки Миус и к Самбеку. За это он был снят с должности, новым командующим группой армий «Юг» стал генерал-фельдмаршал В. фон Рейхенау.

Утром 29 ноября начался решающий штурм Ростова, и к 16 часам город был полностью освобожден. Вечером из Москвы поступила телеграмма Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина, адресованная Главкому Юго-Западного направления, командующему Южным фронтом, 9-й и 56-й армиями: «Поздравляю вас с победой над врагом и освобождением Ростова от немецко-фашистских захватчи-

ков. Приветствую доблестные войска 9-й и 56-й армий во главе с генералами Харитоновым и Ремезовым, водрузившими над Ростовом наше славное советское знамя. И. Сталин». Потери РККА только за 27–29 ноября составили 4,6 тыс. чел., вермахта – 1,1 тыс. чел. [23].

Всего в ходе контрнаступления советских войск под Ростовом 17 ноября – 2 декабря 1941 г. 1-я танковая армия Клейста потеряла 275 танков, 21 бронемашину, 359 орудий, 111 минометов, 4435 автомашин, 403 пулемета, 80 самолетов, до 30 тыс. солдат и офицеров убитыми и ранеными. Это было первое стратегическое поражение вермахта с начала Второй мировой войны и первая победа РККА во время Великой Отечественной войны. Одержанная в самый напряженный момент битвы под Москвой, она оказала свое значение для ее исхода. Несмотря на то, что в это время все резервы бронетехники находились на особом учете, командование вермахта приняло решение усилить потрепанные части Клейста и «как можно скорее организовать отправку по железной дороге по 40 танков Pz-III и 12 танков Pz-IV для 13, 14 и 16-й танковых дивизий» [24].

Однако и советским войскам победа досталась ценой тяжелых потерь. Части РККА за время Ростовской наступательной операции, только по официальным данным, потеряли 33,1 тыс. чел. убитыми и ранеными, или около 2 тыс. чел. в сутки, 42 танка, 1017 орудий и минометов, 42 боевых самолета, 66,8 тыс. единиц стрелкового оружия [25]. Потери стрелкового оружия, а также сводки и донесения о потерях дивизий и бригад Южного фронта позволяют считать, что эти цифры существенно занижены.

Оставив Ростов-на-Дону, противник начал отход, прикрываясь арьергардными заслонами. В боевом распоряжении № 005 Отдельного кавалерийского корпуса, отданном 142-й танковой бригаде РККА поздно вечером 1 декабря 1941 г., отмечалось: «Установлено беспорядочное движение автоколонн, тракторов, танков и пехоты по дорогам и вне дорог на запад. Непосредственно на направлении действия корпуса прикрывающие части противника с сильной развитой системой огневых средств в ячейковых окопах и минометными подразделениями пытаются приостановить наше наступление» [26].

Преследуя отходящие части 1-й танковой армии, войска Южного фронта к исходу 2 декабря 1941 г. вышли на рубеж реки Миус в полосе Куйбышево – Ряженое – балка Копани – Курлацкое – Самбек – Вареновка, где встретили подготовленную оборону противника (см. рис. 2). Измотанные двухнедельным наступлением, не имевшие регулярного питания стрелковые войска и кавалерия в течение 3–5 декабря неоднократно атаковали опорные пункты противника на господствующих высотах практически без поддержки артиллерии и танков. Почти вся артиллерия 56-й Отдельной армии осталась на левом берегу Дона. Действия люфтваффе задержали переправу артиллерии и тылов через Дон, затруднив снабжение частей РККА продовольствием и боеприпасами. Например, части 78-й морской стрелковой бригады в течение трех дней не получали продуктов [27]. Введенная же в бой свежая 54-я

танковая бригада за три дня в боях западнее хутора Курлацкого потеряла 84 танка сгоревшими и подбитыми.

Пополнив части личным составом, подвезя на передовую артиллерию, минометы и боеприпасы, советское командование стало готовить новый штурм Миус-фронта. С 10 по 15 декабря войска 56-й и 9-й армий предприняли вторую попытку ликвидировать таганрогский плацдарм противника. Но и в этот раз советские атаки были отражены с большими потерями. Только 31-я Сталинградская дивизия за эти дни потеряла более 3,3 тыс. чел. В отчетах и донесениях о результатах боев неизменно отмечалось: «Противник, опираясь на оборонительную систему окопов полного профиля и организованную систему огня артиллерии, кочующих минометов и пулеметов, продолжает сдерживать наступление наших войск» [28].



Рис. 2. Рождение Миус-фронта

18 декабря 1941 г. Главком Юго-Западного направления маршал С.К. Тимошенко утвердил план наступательной операции Южного фронта по разгрому группировки противника, угрожавшей городам Красный Луч, Ворошиловград и Краснодар. В течение пяти дней были созданы две ударные группировки: 18-й армии – 296-я, 136-я, 353-я стрелковые дивизии, 15-я и 142-я танковые бригады, сводный кавалерийский корпус в составе 35-й, 56-й и 64-й кавалерийских дивизий; 37-й армии – 216-я, 253-я, 99-я стрелковые дивизии, 3-я и 132-я танковые бригады. 25–29 декабря в полосе Ольховка – Куйбышево шли ожесточенные бои, в ходе которых ударные группировки форсировали Миус и продвинулись на 10–15 км. Но в результате контратак двух пехотных и двух танковых дивизий противника к исходу 29 декабря советские войска отошли на исходные рубежи, понеся большие потери. Безуспешными были и атаки частей 9-й и 56-й армий в районе Ряженого, Седовского, Самбека.

Оргвыводы последовали незамедлительно: 24 декабря вместо Ф.Н. Ремезова новым командующим 56-й армией стал генерал-майор В.В. Цыганов. 30 декабря был снят со своего поста генерал-полковник Я.Т. Черевиченко. Новым командующим Южным фронтом был назначен генерал-лейтенант Р.Я. Малиновский. Были сменены также несколько командиров дивизий и бригад.

Боевые действия в зимних условиях стали нелегким испытанием и для солдат вермахта, оборонявших Миус-фронт. Строительство укреплений в условиях наступивших холодов было непростым делом: лопаты ломались о мерзлую землю. От холода страдали даже военнослужащие элитных эсэсовских частей. По воспоминаниям унтер-офицера моторизованной дивизии СС «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер» Г. Нидермайера, «царил страшный холод, так как дул пронизывающий восточный ветер. Кроме того, дополняя жуткую картину, пошел сильный снег, ... из-за продолжительного переезда и ужасного мороза моторы не заводились... Мы дрожали, зуб на зуб не попадал, ноги и руки казались ледяными, и не было ни костра, ни печки, возле которых можно было бы согреться» [29].

По словам командующего Итальянским экспедиционным корпусом в России

Дж. Мессе, «немецкое командование недооценивало важность зимы». Рассчитывая на «блицкриг», германское руководство не снабдило свои войска необходимым теплым обмундированием. Всего за зиму 1941/1942 гг. морозы вывели из строя свыше 200 тыс. военнослужащих вермахта на Восточном фронте [30]. Немало немецких солдат и их союзников получили обморожения разных степеней и при обороне миусских рубежей.

В отличие от противника части РККА, учтя суровые уроки советско-финской войны 1939/1940 гг., с наступлением зимы 1941 г. получили теплое белье, валенки, шапки-ушанки на синтетическом меху, шерстяные перчатки, ватные шаровары и телогрейки (командиры – овечьи полушубки). Но зимней формы не всегда хватало. 13 ноября 1941 г. командир 62-й кавалерийской дивизии полковник И.Ф. Куц и военный комиссар старший батальонный комиссар А.П. Грищенко писали в Военный совет 56-й Отдельной армии о том, что они уже более месяца упорно добывались снабжения вверенного им соединения «хотя бы только теплыми портянками, бельем и шапками. Последние предрассветные заморозки и морозы застали дивизию в летнем обмундировании. Люди в бумажных пилотках и в летних портянках мерзнут в полевых караулах и в разведке. Вся боевая работа дивизии проходит в болотах по реке и ерикам в воде и сырости» [31]. Поскольку тыловые службы Южного фронта не раз докладывали о том, что потребности армий в теплом обмундировании были в целом удовлетворены, причины сбоев в снабжении, видимо, связаны с неудовлетворительной работой интендантов армейского, корпусного и дивизионного звена.

В приказании войскам Южного фронта № 0159 от 22 декабря 1941 г. отмечалось: «За последнее время в частях фронта при достаточной обеспеченности теплым обмундированием наблюдаются случаи обморожения при морозах, едва доходящих до  $-10^{\circ}\text{C}$ ». Так, с 7 по 13 декабря в 353-й стрелковой дивизии 56-й армии обморожения получили 103 чел. 21 декабря в 317-й стрелковой дивизии 9-й армии обморозились 11 чел. Это объяснялось «недостаточной разъяснительной работой, проводимой среди личного состава частей, отсутствием наблюдения со стороны командного состава за применением профи-

лактических средств против обморожения и совершенно недопустимой бездеятельностью со стороны медсостава» [32].

С конца 1941 г. вермахт прочно закрепился на занятых позициях, создав глубокоэшелонированную полосу стратегической обороны от Таганрогского залива и реки Самбек по правому берегу Миуса до Красного Луча в Донбассе (см. рис. 3). Ми-

нистерство пропаганды Третьего рейха назвало Миус-фронт новой «восточной границей тысячелетнего рейха». Линия фронта прошла по трем районам Ростовской области РСФСР – Неклиновскому, Матвеево-Курганскому, Куйбышевскому, а также Сталинской и Ворошиловградской областям УССР.

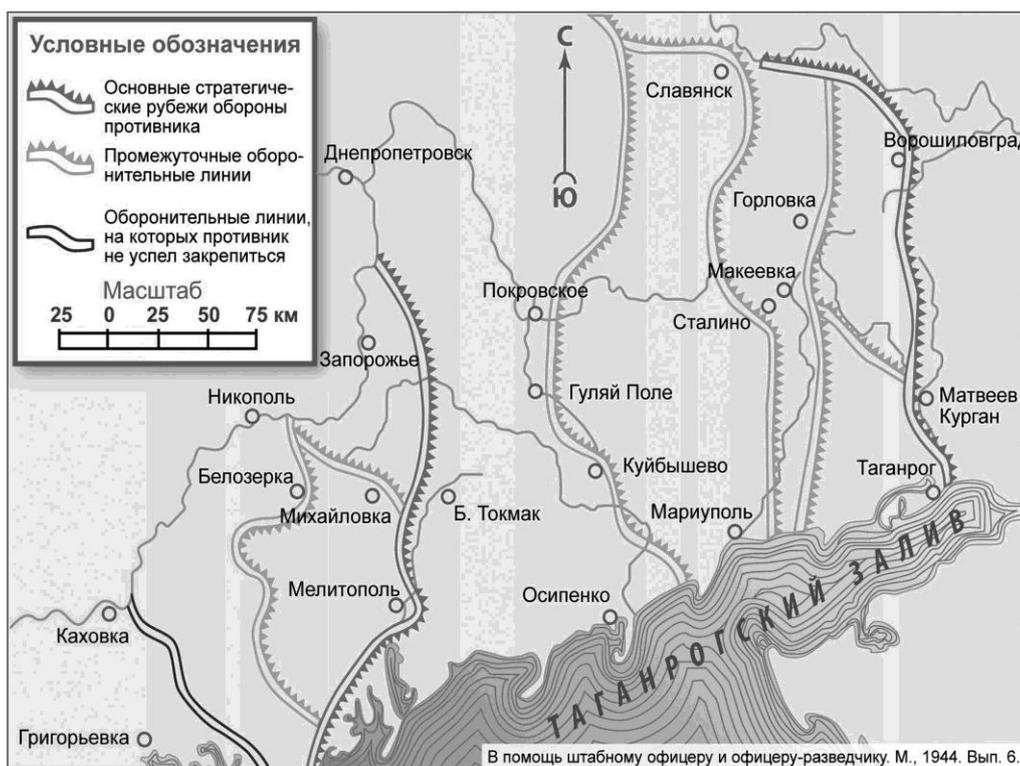


Рис. 3. Миус-фронт в системе немецких оборонительных рубежей, прикрывавших Донбасс и Крым

Необходимо отметить, что противник удачно использовал природные особенности местности. Как и другие реки, впадающие в Азовское море, Миус имеет высокий правый и пологий левый берега. Извилистая, местами заболоченная долина реки осложнила задачи советских войск, штурмовавших Миус-фронт. Все огневые точки вермахта были тесно «привязаны» к неприступным высотам, скалам и обрывам. На южных отрогах Донецкого кряжа заняли позиции немецкие горные егеря из дивизии «Эдельвейс». Для укрепления своих позиций они использовали любой подручный материал: куски рельсов, камни и даже могильные плиты с местных кладбищ. К строительству оборонительных сооружений широко привлекались и местные жители.

Неприступность немецких рубежей

обеспечивали выдолбленные в скалах траншеи общей протяженностью более 2,5 тыс. км, замаскированные противотанковые орудия, минометные и гаубичные батареи, бронеколпаки, доты, дзоты, «заборы» из четырехрядной колючей проволоки, противопехотные минные поля с плотностью до 1,8 тыс. мин на километр фронта. Плотность стрелково-пулеметного огня достигала 40–60 пуль в минуту на погонный метр фронта.

Создавая рубеж на Миус-фронте, германское командование учитывало настраивание определенной части донского казачества и других социальных групп и слоев, недовольных советской властью, а также развитую инфраструктуру населенных пунктов немецких колонистов, проживавших в Приазовье с конца XVIII в. Однако расчеты оккупантов на массовую

поддержку со стороны немецкого населения региона так и остались намерениями. Еще 28 августа 1941 г. был принят специальный Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». По этому указу все немцы, проживавшие в Европейской части СССР и Закавказье, были выселены в отдаленные районы Сибири, Казахстана и Средней Азии. За три недели до вторжения захватчиков были переселены на восток страны и немцы Приазовья.

Важное стратегическое значение с конца 1941 г. приобрел Таганрог, в котором располагались сразу три аэродрома. Таганрогский аэродромный узел позволял не только оперативно поддерживать войска на Миус-фронте, но и наносить эффективные удары по ключевым железнодорожным узлам – Ростову-на-Дону, Батайску, Лихой, а также Сталинграду и Астрахани, через которые проходили поставки нефти из каспийского региона и военной техники союзников по ленд-лизу через «персидский коридор». Самолеты люфтваффе долетали даже до Баку, правда, без бомбовой нагрузки, во-первых, вследствие дальности расстояния, во-вторых, в расчеты противника вовсе не входило уничтожение нефтепромыслов. Германское руководство рассчитывало захватить их невредимыми,

использовать бакинскую нефть в своих целях [33].

Немецкое командование рассматривало Таганрог как свой форпост на юге России и главную прифронтовую базу. Прибывая с передовой в город, немецкие военнослужащие попадали в сравнительно комфортные условия: «Таганрог был спокойным местом, там мы получали горячий обед, имели возможность как следует отмыться от грязи и вшей и даже побриться..., эти первые дни в Таганроге стали для нас чуть ли не отдыхом», – вспоминал радист дивизии СС «Викинг» Г. Фляйшман [34].

Бесплодные попытки прорыва Миус-фронта Красная Армия продолжила весной 1942 г., но и они завершились неудачей, а летом началось новое немецкое наступление, в ходе которого противнику удалось выйти к Волге и Кавказскому хребту. В начале 1943 г. части и соединения РККА перешли в контрнаступление и освободили территорию Северного Кавказа. Однако дальнейшее наступление на запад вновь, как и в 1941 г., задержал Миус-фронт. Только в августе 1943 г. он был прорван, советские войска освободили Таганрог и Донбасс (см. рис. 4).



Рис. 4. Миус-фронт – зона кровопролитных боев в 1941–1943 гг.

Отдавая должное героизму павших бойцов и командиров, следует всегда помнить о той цене, которой была оплачена победа. В октябре–декабре 1941 г. РККА в боях в Приазовье и на Миус-фронте потеряла 165,6 тыс. чел. Общие потери за 15 месяцев противостояния в 1941/1942 и в 1943 гг. составили 833 тыс. бойцов и командиров, в том числе безвозвратные – 280 тыс. чел. убитыми, умершими от ран, расстрелянными по приговору военных трибуналов. Общие потери противника за этот же период исчисляются в 110 тыс. чел. [35]. При сопоставлении этих данных необходимо учитывать, что частям РККА приходилось штурмовать хорошо укрепленные позиции противника. Свою роль играли и ошибки советского командования, особенно в первый год войны посылавшего порой красноармейцев в бой без необходимого авиационного и артиллерийского прикрытия. К сожалению, даже имена многих участников кровопролитных боев пока еще остаются неизвестными. Немало советских военнослужащих по-прежнему числится в списках пропавших без вести, остаются не захороненными их тела.

В целом изучение событий, происшедших на южном крыле советско-германского фронта в 1941 г., остается актуальным направлением исследований. Необходимо переосмыслить значение боевых операций в Приазовье и на Миусе в истории Великой Отечественной войны. К сожалению, до сих пор часть документов остается недоступной исследователям. Прежде всего это касается политдонесений, решений военных трибуналов, дела которых не выдаются в соответствии с требованиями закона об охране личной жизни граждан. Определенные трудности в

изучении данной темы связаны также с тем, что Миус-фронт проходил одновременно по территории двух современных государств – России и Украины. Порой государственные границы становятся барьером и для исследователей. Между тем создание достоверной картины событий прошлого возможно только совместными усилиями ученых разных стран.

В настоящее время на территории России и Украины существует немало памятников, мемориалов и воинских захоронений, связанных с боями на Миус-фронте. Только на территории Куйбышевского, Матвеев-Курганского, Неклиновского и Мясниковского районов Ростовской области находится более 200 воинских захоронений. Крупный мемориальный комплекс «Саур-Могила» создан в Шахтерском районе Донецкой области. Однако большинство мемориалов создавались в советское время, когда не были известны многие данные о кровопролитных боях на Миус-фронте. Они посвящены успешному прорыву 1943 г. На памятниках отсутствуют названия целого ряда соединений, участвовавших в боях. Состояние части мемориалов в настоящее время является неудовлетворительным. Между тем без трагических уроков 1941 г. не было бы блестящих побед 1943 г.

Переоценить должным образом события на южном крыле советско-германского фронта позволит придание всей зоне боев особого мемориального статуса. В сознании населения Приазовья и Восточного Донбасса Миус-фронт давно стал полем ратной славы. Государственный, научный и общественный долг – сохранить в памяти для следующих поколений подвиг всех участников Великой Отечественной войны.

### Примечания:

1. См.: *Кринко Е.Ф.* Современная российская историография Великой Отечественной войны: итоги двух десятилетий // *Былые годы.* 2009. № 4 (14). С. 6–19; *Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества. Материалы Международной науч. конф. (28–29 апреля 2010 г., Ростов-на-Дону – Таганрог) / Отв. ред. акад. Г.Г. Матишов.* Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. 448 с. и др.
2. *Хвостов В.М.* Разгром немцев под Ростовом в ноябре 1941 г. Краткий очерк. [Б.м.]: Военное изд-во НКО, 1943. 26 с. и др.
3. *Кирилин И.Д.* Черноморский флот в битве за Кавказ. М.: Воениздат, 1958. 199 с.; *Орешкин А.К.* Оборонительная операция 9-й армии (октябрь–ноябрь 1941 г.). М.: Воениздат, 1960. 127 с. и др.

4. *Пуржаев Г.К.* Кровь и слава Миуса. Таганрог: Изд-во «БАННЭРплюс», 2008. 400 с.; *Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф.* Миус-фронт в Великой Отечественной войне. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. 216 с. и др.
5. *Ланнуа Ф.* Немецкие танки на Украине. 1941 год. М.: Эксмо, 2006. 176 с.; *Карель П.* Восточный фронт. Кн. 1. Гитлер идет на Восток. От «Барбароссы» до Сталинграда 1941–1943. М.: Эксмо, 2008. 720 с.; *Грицюк В.М.* Стратегічні та фронтові операції Великої Вітчизняної війни на території України. К.: Ін-т історії України НАНУ, 2010. 150 с. и др.
6. *Москаленко К.С.* На Юго-Западном направлении 1941–1943. Воспоминания командарма. М.: Наука, 1973. 455 с.; *Баграмян И.Х.* Так началась война. 2-е изд., испр. М.: Воениздат, 1977. 510 с.; *Рябьшиев Д.И.* Первый год войны. М.: Воениздат, 1990. 258 с. и др.
7. См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Т. 2. Отражение советским народом вероломного нападения фашистской Германии на СССР. Создание условий для коренного перелома в войне (июнь 1941 г. – ноябрь 1942 г.). М.: Воениздат, 1961. 682 с.; История второй мировой войны 1939–1945. В 12 т. Т. 4. Фашистская агрессия против СССР. Крах стратегии «молниеносной войны». М.: Воениздат, 1975. 536 с.; Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. В 4 кн. Кн. 1. Суровые испытания. М.: Наука, 1998. 544 с. и др.
8. *Федотова Т.А.* Азов и Приазовье в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Азов: Азовский краеведческий музей, 1995. 192 с.; *Волошин В., Ратник В.* Вчера была война. Таганрог в годы немецко-фашистской оккупации (октябрь 1941 – август 1943 гг.). Таганрог: ООО Изд-во «Лукоморье», 2008. 396 с.; Социально-исторический портрет села Приазовья: Кагальник. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. 208 с. и др.
9. Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М.: Воениздат, 1993. С. 174.
10. *Маништейн Э.* Проигранные победы. Личные записки генерала вермахта. М.: Центрполиграф, 2009. 575 с. С. 210.
11. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 228. Оп. 754. Д. 64. Л. 167–168.
12. *Волошин В., Ратник С.* Указ. соч. С. 53.
13. ЦАМО РФ. Ф. 3565. Оп. 1. Д. 1. Л. 17, 25 и др.
14. *Мощанский И., Красных Ю.* Битва за Ростов. Операция Южного и Юго-западного фронтов 29 сентября – 2 декабря 1941 г. // Военная летопись. Сражения и битвы. Фотоиллюстрированное периодическое издание. 2006. № 1. 68 с. С. 11.
15. ЦАМО РФ. Ф. 228. Оп. 722. Д. 5. Л. 179.
16. *Маляров В.Н.* Строительный фронт Великой Отечественной войны: Создание стратегических рубежей и плацдармов для обеспечения оборонительных операций вооруженных сил в годы войны 1941–1945 гг. СПб.: ВИТУ, 2000. 348 с.
17. *Статюк И.* От обороны к наступлению. М.: ООО Изд-во «Цейхгауз», 2006. 56 с.
18. ЦАМО РФ. Ф. 3586. Оп. 1. Д. 22. Л. 86.
19. Вестник архива Президента Российской Федерации. Война: 1941–1945. М., 2010. 512 с. С. 93.
20. ЦАМО РФ. Ф. 412. Оп. 10 282. Д. 1. Л. 72.
21. *Макензен Э. фон.* От Буга до Кавказа. М.: АСТ «Транзиткнига», 2004. 496 с. С. 277.
22. ЦАМО РФ. Ф. 148-а. Оп. 3763. Д. 93. Л. 100.
23. ЦАМО РФ. Ф. 412. Оп. 10 295. Д. 36. Л. 19; *Макензен Э. фон.* Указ. соч. С. 277.
24. *Гальдер Ф.* Русская кампания. Хроника боевых действий на Восточном фронте. 1941–1942 гг. М., 2007.
25. ЦАМО РФ. Ф. 3580. Оп. 1. Д. 2. Л. 38.
26. Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М.: Воениздат, 1993. 415 с. С. 173, 369.
27. *Мощанский И., Красных Ю.* Указ. соч. С. 64.
28. ЦАМО РФ. Ф. 3565. Оп. 1. Д. 10. Л. 36.
29. *Нидермайер Г.* Дивизия СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер». Мемуары фронтовиков. М.: Яуза-пресс, 2009. 288 с. С. 62
30. *Мессе Дж.* Война на русском фронте. Итальянский экспедиционный корпус в России (К.С.И.Р.). М.: Книжный Мир, 2009. 288 с. С. 150.
31. ЦАМО РФ. Ф. 3586. Оп. 1. Д. 22. Л. 81.
32. ЦАМО РФ. Ф. 228. Оп. 748. Д. 7. Л. 43.

33. Хаин В. В войсках противовоздушной обороны // Служили верой и правдой. Воспоминания о войне членов Отделения наук о Земле Российской академии наук. М.: Светоч-Плюс, 2010. 264 с. С. 259.
34. Фляйшман Г. По колено в крови. Откровения эсэсовца. М.: Яуза-пресс, 2009. 480 с. С. 212.
35. Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф. Указ. соч. С. 155.

**Сведения об авторах:**

Матишов Геннадий Григорьевич, академик РАН, председатель Южного научного центра РАН.

344006, г. Ростов-на-Дону, проспект Чехова, 41.  
E-mail: ssc-ras@ssc-ras.ru.

Кринко Евгений Федорович, доктор исторических наук, заместитель директора Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН.

344006, г. Ростов-на-Дону, проспект Чехова, 41.  
E-mail: krinko@ssc-ras.ru

